

Духовность как предмет психологического исследования бездомного

Витко Юлия Станиславовна, Лебедева Анна Александровна (Москва)

НИУ ВШЭ

uliyvitko18@gmail.com, anna.alex.lebedeva@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается потенциал преодоления ситуации бездомности через обращение к духовному измерению. Обоснование предлагаемого фокуса работы проводится через обращение к концептам и терминологии понимающей психотерапии. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи духовных переменных с отдельными психологическими показателями.

Ключевые слова: бездомные, психология бездомности, личность бездомного, духовность бездомного.

Spirituality as a subject of psychological research for the homeless

Julia S. Vitko, Anna A. Lebedeva (Moscow)

HSE University

Abstract. The article provides the potential for overcoming the situation of homelessness through recourse to the spiritual dimension. The feasibility of the proposed focus of work is carried out through an appeal to the concepts and terminology of experiencing psychotherapy. The results of an empirical study of the link between spiritual variables and individual psychological indicators are presented.

Keywords: homeless, psychology of homelessness, personality of the homeless, spirituality of the homeless.

Проблема бездомности не является новой в современном мире, и так или иначе была представлена в обществе на протяжении многих сотен лет в разных формах. Сложившаяся система представлений о бездомных влияет на обращение с данной группой населения: отмечается высокий уровень дискриминации в области предоставления медицинских услуг (Шибалков, 2017), территориальная маргинальность точек помощи бездомным (Варсопко, 2017), применение насилия и др. Совершенно очевидно, что бездомные сталкиваются с огромным количеством проблем, которые не имеют возможности быть решенными в условиях современных реалий, поскольку российские социальные организации испытывают серьезную нужду в научно обоснованной методологии работы с людьми без определенного места жительства. Исследования бездомности в России чаще всего выполняются в дискурсе социально-экономической проблематики. Отдельные психологические исследования также не предлагают какой-либо в достаточной мере эвристичной модели помощи человеку, столкнувшемуся с ситуацией бездомности.

В российской психологии тема личности бездомного является слабо проработанной, а фокус существующих исследований направлен на негативные аспекты жизни человека без определенного места жительства. Среди трудов, сосредоточенных на бедах бездомного человека, выделяются работы Н.Ю. Ключевой. Проведенное исследование, вероятно, одно из первых, в котором предметом выступает личность бездомного. На основании данных невключенного наблюдения и проведенных бесед с бездомными автором делается ряд обобщений, касающихся динамики инволюции личностных качеств бездомного. В данной работе предлагается классификация, показывающая постепенное «расчеловечивание» людей по мере все более продолжительного проживания на улице (Ключева, 2011). Другой негативный аспект бездомности, связанный с самоотношением, исследован В.Ф. Жеребкиной и Л.М. Лапшиной. В работе обнаруживаются высокие показатели по шкале «самообвинение», сниженная регулятивная способность и высокая конфликтность у бездомных (Жеребкина, Лапшина, 2016). Иными словами, современные исследования в этой области, проводимые в нашей стране, безусловно обладают научной ценностью. Вместе с тем, получаемые результаты, углубляя воронку проблем, ассоциируемых бездомностью, не позволяют заметно продвинуться в ответах на вопросы о специфике психологической помощи людям из этой

категории, а также разработать эффективные наукоемкие практики социально-психологической помощи бездомным.

Решением сложившейся научной проблемы мы видим изменение взгляда на бездомность, расширение методологической перспективы с целью найти ту, которая учитывала бы как негативные последствия бездомности, так и сохранные психологические ресурсы. В качестве первого шага мы предлагаем обратиться к духовному измерению личности, поскольку оно признается фактором жизнестойкости (McKay, 2010), а также мощным источником ресурсов для борьбы человека с трудными обстоятельствами и стрессом (Pargament, Ano, 2006; Graham et al., 2001). В своем понимании ресурсов личности мы опираемся на взгляды Д.А. Леонтьева (2016), а саму ситуацию бездомности предлагаем рассматривать в ряду затрудненных условий развития (Леонтьев, 2014). Предлагаемое нами понятие духовного ресурса на сегодняшний день является слабо проработанным, тем не менее в своих рассуждениях мы опираемся в первую очередь на работы Ф.Е. Василюка о духовных состояниях (Василюк, 2005) и на его понимание духовного совладания (Василюк, 2014).

Бездомный попадает в такую ситуацию, в условиях которой устройство прежнего жизненного мира претерпевает серьезные изменения: отношения, в которые входили элементы этого мира, разрушаются, сбивается смысловая логика, человек лишается старых социальных связей. Он вынужден изменить свою роль в общественной жизни, не говоря уже о том, что привычный способ удовлетворения даже самых базовых потребностей перестает быть актуальным. То, что отечественные авторы называют «расчеловечиванием», возможно, является результатом столкновения личности бездомного с ситуацией символической смерти, выраженной в его исчезновении и невидимости как существа социального (Ropers, 1988; Langedger, Koester, 2016). Задача возвращения человека к жизни фактически невыполнима без его полного перерождения.

Переживание утраты привычного контекста жизни причиняет бездомному страдание, которое, говоря словами Ф.Е. Василюка, «очищает от наносного, поверхностного, обнажает сердцевину человеческого существа, в нем выговаривается глубокая и простая правда жизни. Страдание испытывает человека» (Василюк, 2005, С. 5). Федор Ефимович особое внимание обращает на слово «испытание», отмечая, что в славянских языках слово «пытать» обозначало «спрашивать» (Василюк, 2002). Действительно, ситуация бездомности, в которой оказывается человек, как бы снимает все поверхностные слои жизни и ставит личность перед вопросом о самых глубинных смыслах собственного существования.

Бездомный сталкивается со сложнейшей творческой задачей переструктурирования и изменения отношений внутри собственного жизненного мира. У него нет возможности опереться на социальные ресурсы: на государство, социальные институты; на поддержку семьи, коллег, друзей; на собственное пространство дома и т. д. Возвращение в социальную жизнь переживается бездомным как ситуация невозможности. Утратив право жить в прежнем доме, общаться с прежними людьми, лишившись всех планов на будущее, человек, оказавшийся на улице, приспосабливается полагаться на себя, на удачу или на Бога, если мы говорим о верующем человеке.

Переживание ситуации невозможности может стать для бездомного потаенной дверью, за которой кроется неведомая доселе духовная возможность, где «<...>, „глубина отчаяния“ обнажает недоступные в обыденных состояниях внутренние духовные родники» (Василюк, 2005, С.18). Иными словами, во всей этой веренице невозможностей, тем не менее остается шанс обратиться к чему-то, лежащему вне и существующему помимо субъекта, к чему-то вечному и высшему – к диалогу с духовным.

В условиях, когда дальнейшее смыслообразование внутри разрушенного жизненного мира оказывается невозможным, духовное измерение, оставаясь практически единственным сохранным уровнем саморегуляции³, способно стать контекстом для восстановления и

---

³ Мы рассматриваем духовное измерение как входящее в уровень экзистенциально-смысловой регуляции жизнедеятельности, предложенный Е.Р. Калитеевской на основе типологии жизненных миров Ф.Е. Василюка (Калитеевская, 1997).

продолжения смыслотворчества личности, реализуя в себе «возможность невозможного» (Васильюк, 2005).

Таким образом, ситуация бездомности таит в себе теоретический и эмпирический потенциал для психологического исследования, однако, насколько нам известно, духовность бездомного еще не становилась фокусом эмпирических работ. Данное исследование ставит перед собой задачу выяснения особенностей личности бездомного, опирающегося на духовное измерение.

В исследовании приняли участие бездомные, временно проживающие в приюте «Теплый прием» (г. Химки). В ходе исследования участникам было предложено заполнить ряд методик, таких как «Шкала духовного смысла» Н. Маскаро (Mascaro et al., 2004), опросник «Ценность жизни» (Leontiev, Lebedeva, 2019), «Шкала субъективного благополучия» (Osin, 2017), «Шкала надежды» (Гордеева, Осин, в разработке), «Шкала апатии» (Золотарева, 2017) и др. Помимо вышеперечисленных методик, респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, используют ли они духовные практики. Объем пилотной выборки составил 38 человек. Данные были собраны до пандемии коронавируса Covid-19, участие в исследовании было очным.

По результатам анализа данных было выявлено, что, во-первых, использование бездомными духовных практик с определенной вероятностью повышает показатели ценности жизни ($p=,74$), надежды ($p=,73$) и субъективного благополучия ($p=,76$). Получившиеся данные можно было бы прокомментировать словами Густава Шпета: «Дух начинает быть и есть только в выражении, он есть само выражение» (Шпет, 2007, С. 169). В этом высказывании подчеркивается деятельная природа духовности. Духовность не есть структура, она не существует в виде какой-либо конструкции в человеке, но она есть проявление и выражение духовной личности в самой себе и мире. Эти идеи продолжает и развивает В.П. Зинченко, который определяет духовность как «те поиски, практику и опыт, посредством которых субъект производит в себе самом изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине» (Зинченко, 2017, С. 163). Вовлеченность в религиозные практики представляет собой деятельное выражение духовного измерения. Духовный акт, таким образом, может быть тесно связан с процессами смыслообразования, что помогает, в свою очередь, успешнее справляться с трудными жизненными обстоятельствами через изменение отношения к происходящему и восприятие препятствий как потенциального источника духовного роста или части божественного плана (Foley 1988; Spilka and Schmidt 1983).

Во-вторых, были обнаружены значимые различия между бездомными в зависимости от уровня духовного смысла в выраженности позитивных личностных переменных, таких как оптимизм ($p=,000$), субъективное благополучие ($p=,014$), ценность творчества ($p=,000$), ценность себя ($p=,016$), рефлексивность ($p=,014$). Это может свидетельствовать в пользу взгляда на духовность как на ресурс, который оказывает прямой и модулирующий эффект на благополучие личности (Wong, 1989; Kirby, Coleman & Daley, 2004). Вместе с этим был выявлен факт значимого различия в уровне апатии между группами с высоким и низким показателями духовного смысла ($p=,062$), что, в свою очередь, может указывать на возможность компенсации недостатка мотивационных ресурсов ресурсами духовными, в частности, с помощью духовного осмысления того, что произошло. Найденные эмпирические факты вполне соотносятся с существующими в отечественной традиции взглядами на духовное. Так, Д.А. Леонтьев выделяет особую категорию метаресурсов личности, спецификой которых является способность к переструктурированию системных связей между человеком и миром, за счет чего даже в априори отрицательных обстоятельствах могут быть найдены позитивные возможности (Леонтьев, 2016).

Таким образом, обращение к духовному измерению имеет потенциал в контексте преодоления ситуации бездомности. Несчастье, которое переживает бездомный, может осмысляться им в плоскости духовного не как роковая случайность или величайшая несправедливость, а как «геологический разлом бытия, который открывает невидимые до того корни и слои <...> жизни, как нечто чреватое глубинным смыслом, новым поворотом в жизни,

как вызов и зов» (Василюк, 2014, С. 144). Сохранное духовное измерение бездомного является не только предиктором высоких показателей некоторых положительных психологических характеристик, но и обеспечивает функционирование духовных ресурсов личности.

Литература

1. Варсопко А.В. Бездомные в официальном городском пространстве: территориальная и социально-правовая исключенность // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. 2017. С. 65–71.
2. Василюк Ф.Е. От переживания – к молитве // Московский психотерапевтический журнал. 2002. №. 1. С. 76–92.
3. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования) // М.: Смысл. 2005. Т. 191.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984.
5. Василюк Ф.Е. Типы духовного совладания // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. №. 5. С. 139–152.
6. Жеребкина В.Ф., Лапшина Л.М. Самоотношение и копинг-стратегии бездомных людей // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. №. 4.
7. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. Litres. 2017.
8. Золотарева А.А. Разработка и апробация новой психологической шкалы апатии // Актуальные вопросы психологии здоровья и психосоматической дисциплины. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.М. Муталимовой, 2017. С. 86–91.
9. Калитеевская, Е. Р. (1997). Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, С. 231–238.
10. Ключева Н.Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. №. 41.
11. Леонтьев Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. №. 3. С. 97–106.
12. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. №. 62.
13. Шибалков И.П. Подходы к совершенствованию региональной политики в сфере охраны здоровья населения // Народонаселение. 2017. №. 3 (77).
14. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 10.
15. Foley D.P. Eleven interpretations of personal suffering // Journal of Religion and Health. 1988. Vol. 27. No. 4. P. 321–328.
16. Graham S., Furr S., Flowers C., Burke, M. T. Research and theory religion and spirituality in coping with stress // Counseling and Values. 2001. Vol. 46. No. 1. P. 2–13.
17. Kirby S.E., Coleman P.G., Daley D. Spirituality and well-being in frail and nonfrail older adults // The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2004. Vol. 59. No. 3. P. 123–129.
18. Langedegger S., Koester S. Invisible homelessness: Anonymity, exposure, and the right to the city // Urban Geography. 2016. Vol. 37. No. 7. P. 1030–1048.
19. Leontiev D.A., Lebedeva A.A. The value of life // 17th International Society for Quality-of-Life Studies Conference “Happiness in a Multicultural World”. 2019.
20. Mascaro N., Rosen D.H., Morey L.C. The development, construct validity, and clinical utility of the spiritual meaning scale // Personality and Individual Differences. 2004. Vol. 37. No. 4. P. 845–860.
21. McKay L. Spirituality and humanitarian work: Maintaining your vitality. 2010.
22. Osin E.N. et al. Measurement invariance of Personal Well-being Index (PWI-8) across 26 countries // Journal of Happiness Studies. 2017. Vol. 18. No. 6. P. 1697–1711.

23. Pargament K.I., Ano G.G. Spiritual resources and struggles in coping with medical illness // Southern Medical Journal. 2006. Vol. 99. No. 10. P. 1161–1163.
24. Ropers R.H. The invisible homeless: A new urban ecology // Human Sciences Press Warehouse, 1988.
25. Spilka B., Schmidt G. General attribution theory for the psychology of religion: The influence of event-character on attributions to God // Journal for the Scientific Study of Religion. 1983. P. 326–339.
26. Wong P. T. Personal meaning and successful aging // Canadian Psychology/Psychologie Canadienne. 1989. Vol. 30. No. 3. P. 516.